

От иконы до Кандинского

Культура - 2000 - 2-15 нояб. - с. 10

Государственный Русский музей успешно выполняет программу реставрации и реконструкции, рассчитанную до 2008 года. Об этом мы беседуем с его директором, членом-корреспондентом Российской академии художеств Владимиром ГУСЕВЫМ.

— Владимир Александрович, у вас в корпусе Бенуа — две большие выставки: «Русский импрессионизм» и «Русский футуризм», вокруг все в строительных лесах. Музей живет активной жизнью, как вам удалось приспособиться к не очень-то благоприятным для культуры условиям?

— Музей — такая машина, что лучше не задумываться над тем, как он управляется, а потихоньку делать свое дело. Сегодня мы размещаемся в четырех дворцах в самом центре Санкт-Петербурга. Реконструкция и реставрация дворцов осуществляются на основании программы «Возрождение». Важный ее пункт — восстановление исторического центра Санкт-Петербурга к 300-летию города. Мы хотим создать в центре города архитектурно-музейный комплекс, в котором будет во всем блеске представлена коллекция русского искусства от Андрея Рублева до Малевича и Кандинского.

— Как финансируются «Возрождение» и другие ваши программы?

— Мы решили обратиться в правительство с предложением о ежегодном целевом финансировании мероприятий нашей программы. Расширяем выставочную деятельность за рубежом, чтобы получать финансовую компенсацию от этих выставок. Но для нас коммерческая деятельность не самоцель. Главное — выставки, подготовленные музеем в последнее время: «Русский авангард» (Цюрих), «Красный цвет в русском искусстве» (Вупперталь), «Малевич и мастера русского авангарда» (Пальма де Майорка), «Куинджи» в Финляндии, «Амазонки авангарда» в Германии и Нью-Йорке, «От иконы до Кандинского» в Германии.

— Что в ближайших планах Русского музея?

— В ноябре покажем большую выставку Казимира Малевича. Готовим интересную экспозицию «Жизнь Христа в изобразительном искусстве». К юбилею города в 2003 году планируем задействовать весь комплекс зданий и территорий Русского музея. Хотим сделать подарок жителям и гостям Санкт-Петербурга. Прежде мы могли делать у себя не более десяти выставок. Передача нам дворцов расширила экспозиционные площади. Нам по силам делать до пятидесяти выставок.

— Как пополняется музейная коллекция?

— Мы приобрели в последнее время около двенадцати тысяч предметов. Половина из них — подарки. Мы получили в дар от петербургских коллекционеров 450 произведений прикладного искусства XVIII — XX веков. Стоимость этих работ оценивается в пять миллионов долларов. Делаем покупки на аукционах за счет заработанных нами денег. Вы, наверное, обратили внимание на богато иллюстрированные издания Русского музея. К юбилею города выпустим альбом «Портрет города и горожан» из коллекции Русского музея. Будет открыта выставка «Триста лет Петербурга в изобразительном искусстве». У нас лозунг: на один рубль входной платы — девять заработанных музеем. Магазины, сервис, сувениры... Так всюду в крупнейших музеях мира. Процентов на сорок — пятьдесят можно себя обеспечить. Иное дело — реставрация и ремонт дворцов. Тут нужны государственные деньги.

Прежде все было централизованно, и Русский музей был подне-

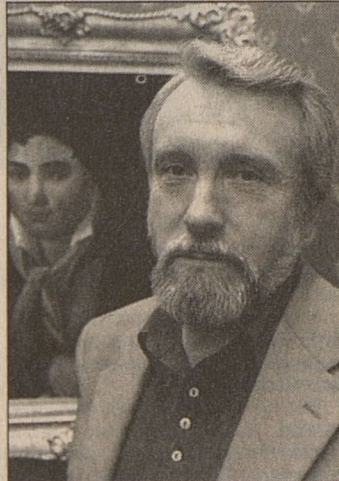


Фото ИТАР — ТАСС

вольным, шага не мог ступить самостоятельно. Теперь у нас появилось чувство хозяина, ответственность.

— Владимир Александрович, вы пришли работать в Русский музей в 1978 году, через десять лет были избраны коллективом музея его директором. По моим собственным наблюдениям, директору необходимо иметь не только упорство и волю, но еще и талант, чтобы руководить таким сложным организмом. Как вам это удается?

— Недавно я вернулся из отпуска, провел его в деревне, где нет ни света, ни телевизора, и, знаете, хорошо отдохнул. Читал, бродил, старался не думать о делах насущных. Жил там этаким Обломовым. Когда ехал на работу — еще издали увидел, что ремонт зданий и реконструкция идут полным ходом. Вздохнул с облегчением. В музее пятьсот научных сотрудников, каждый из них вкладывает душу в свою работу. Это облегчает и мои задачи. Нет надобности проявлять суетливость, спешку, испытывать чувство неуверенности. Мне иногда приходит в голову сравнение музея с театром, в котором идут комедии и трагедии в мизансценах разных эпох. В Академии художеств, которую я окончил, никто не учил новым формам существования. Раньше я с увлечением занимался живописью. Теперь больше приходится выступать в эпистолярном жанре — переписываться с разными ведомствами, учреждениями, спонсорами и меценатами. Летучки, совещания, приемы, беседы. И так до вечера. И каждый день. Порой я отказываюсь от зарубежных командировок — нет на них времени. За границей часто поражает полнейшее отсутствие представлений о русском искусстве. Знают авангард, Кандинского, Малевича, Шагала — и все. А мы, выходит, осведомлены получше о том, что делается в мире в области культуры. Может быть, у нас больше любознательности, воспитанной махровым застоём и оторванностью от мира за 80 лет. Государственному Русскому музею сложнее привлекать иностранных инвесторов, чем, скажем, Эрмитажу. Для того чтобы Русский музей узнали лучше, представляли себе его сокровища, нужны годы и годы.

— Скажите, как вами осуществляется главная функция Русского музея как музея национально-го — поддерживать и развивать отечественное искусство?

— У каждого музея своя специфика. Это живой деятельный организм. Относительно понятий «развивать» и «поддерживать», приобретать работы у современных художников — мы это делаем, но все же свободных средств у нас на это не слишком много. Ведь мы не стремимся урвать себе кусок побольше. У нас около миллиона посетителей в год. Семь тысяч экскурсий, около полутысячи лекций. Свет просвещения льется из окон Русского музея. Свет чистый, добрый, благородный.

Беседу вел
Григорий АНИСИМОВ

47

67